

И Чжунхай ушел. Директор Ван посмотрела на часы и, судя по всему, начала терять терпение.

— Чья бы это ни была затея, дело нужно решать. Если семья Лу не даст внятных объяснений, мне уже не привыкать к позору. Но если вы решите идти против государственной политики, не обессудьте — отправить вас всех в места не столь отдаленные будет не так уж и несправедливо. А уж попадете вы в учебный класс или на ферму трудового перевоспитания — это как повезет!

— Нет, что вы, директор Ван!

— Мы ни в коем случае!

— Ни в коем случае? Вы уже совершили такой бесчестный поступок, чего вам еще бояться? А вы двое, Лу Юнгуй и Ху Юнь, это ваш родной сын или вы его на улице подобрали? У вас хоть капля жалости или стыда осталась?

Высокий мужчина средних лет заискивающе улыбнулся и подтолкнул поближе к себе женщину с простоватым лицом:

— Директор Ван, я это... ну, понимаете, судьба у ребенка такая. Раз уж он родился дурачком — значит, так тому и быть. К тому же, разве он не в порядке? Все же хорошо, правда, жена?

— Да, мой муж прав.

Директор Ван едва не сплюнула от возмущения, глядя на эту парочку.

— А ну, оба в сторону! Старуха Лу, теперь твоя очередь говорить. Ну же, мне очень интересно, что вы еще придумаете.

Старушка из семьи Лу огляделась по сторонам, но молчала.

Директор Ван была опытным работником и повидала немало таких упрямцев, поэтому знала, как действовать решительно. Ей было неважно, что они там себе надумали — она просто вынесет вердикт, который устроит всех, и точка. Кто посмеет пререкаться — поплатится, и неважно, правы они или виноваты, обижены или в выигрыше. У нее нет времени слушать бесконечные семейные дразги, которые тянутся дольше, чем обмотки ног старой карги.

— Хорошо, раз вы молчите, я скажу сама. Но если после моих слов кто-то решит устроить скандал... Сотрудник Ван?

— Слушаю, директор.

— Будешь проводить внеплановые проверки. Если кто-то из них снова начнет бузить, даже не докладывай мне. Просто вызывай Революционный комитет и Отдел безопасности, пусть забирают всех в учебный класс.

— Понял, директор.

Семья Лу притихла, напуганная решимостью директора Ван. Их улыбки исчезли, лица вытянулись, будто они только что похоронили родителей.

— Разделяйте хозяйство!

Услышав о разделе, старуха Лу тут же подскочила, но не успела она начать свое привычное представление с катанием по полу, как двое сотрудников Уличного комитета уже приготовились действовать. Казалось, они только и ждали повода, чтобы проучить ее.

— Ну, смелее, прыгай! Или вы думаете, я, директор Уличного комитета, не управлюсь с такой старой нахалкой? Товарищи из полицейского участка, задержите эту старуху. Если продолжит скандалить — тем лучше, меньше с ней возиться!

Двое полицейских давно точили зуб на эту старуху. Получив приказ от руководства, они не стали церемониться: схватили ее и заломили руки за спину. Старуха зашипела от боли, но не издала ни звука. Обычно она бы уже вопила на всю округу, но сейчас вела себя тише воды. Оказывается, некоторые злодеи сильны лишь до тех пор, пока не встретят того, кто окажется жестче. Стоит проявить твердость — и они сразу становятся вежливыми и рассудительными.

— Раз вы не хотите, чтобы Ша Силэ и Лу Пиньянь поменялись обратно, пусть все остается как есть. Раз уж Ша Силэ стал Лу Пиньянем, а документы ушли в Бэйдахуан, менять что-то поздно. Разделим хозяйство, и Ша Силэ больше не будет считаться частью вашей семьи. Но в качестве компенсации вы должны выплатить ему пятьсот юаней и отдать одну комнату.

Женщина средних лет дернула за рукав низкорослого Лу Далуна и подмигнула ему. Тот понял намек и поспешил перебить директора Ван:

— Директор Ван, директор Ван, мы не идем против вас! Но посмотрите, мы же нищие, перебиваемся с хлеба на воду, откуда у нас пятьсот юаней? И дом... у нас восемь человек ютится в трех с половиной комнатах, какую комнату мы можем ему отдать?

Директор Ван даже не посмотрела на него. Она лишь слегка качнула подбородком, и двое сотрудников Уличного комитета тут же схватили Лу Далуна за руки, профессионально заломили их за спину, нажали на голову и потащили к выходу. Лу Далун завопил, женщины закричали. Директор Ван жестом приказала полицейским увести старуху и сама направилась к выходу.

Женщина средних лет больше не подмигивала — она бросилась к дверям, рыдая и умоляя директора Ван пощадить их семью. Девушка с круглым лицом и низкорослый подросток, стоявшие позади, побоялись преградить путь директору, но начали кричать на своих дядюшку и тетю — Лу Юнгуй и Ху Юнь:

— Вы что, онемели? Чего стоите? Быстро идите просить за нас! Правду говорят — яблоко от яблони недалеко падает, семейка дураков.

В те времена старшие пользовались огромным авторитетом. В любой другой семье за такие слова племяннице или племяннику тут же прилетела бы пощечина, не разбираясь, кто прав. И родители после этого добавили бы еще. Но Лу Юнгуй и Ху Юнь даже пикнуть не посмели — они покорно бросились умолять о пощаде, глядя на что Лу Пиньянь только качал головой.

— Мы больше не будем, не будем! Отдадим, отдадим ему и деньги, и комнату.

Старуха Лу и Лу Далун, поняв, что директор Ван не шутит, поспешили сдаться. Директор Ван в сердцах выругалась на их подлую натуру и махнула рукой — их вернули обратно.

— Говоришь с вами по-хорошему, а вы думаете, у меня нет характера? Видимо, вам хочется посидеть в темной каморке на сухарях!

— Больше не будем, директор Ван, мы все сделаем, как вы скажете...

— Раз слушаетесь, не упрямитесь. Упрямство до добра не доведет. Я человек справедливый, так что сделаем так: отдадите ему ту комнату с отдельным входом. Когда ребенок вернется из деревни, ему нужно будет где-то жить.

Лу Далун, чью голову продолжали удерживать, скривился от боли:

— Хорошо, я решаю за мать, отдаем! Товарищи, можно чуть слабее? У меня сейчас скальп оторвется.

Директор Ван усмехнулась:

— Теперь больно? Если не угомонитесь, отправлю в учебный класс, будете там наслаждаться жизнью каждый день. Раз обещали — не вздумайте пойти на попятную. Скоро я приду в Уличный комитет, оформим все документы. И еще одно — Лу Юнгуй, Ху Юнь, подпишите бумаги о разрыве отношений. Так будет проще всем, и мне не придется снова с вами возиться.

Лу Юнгуй не только не расстроился, но и радостно закивал, а его лицо расплылось в улыбке, как осенняя хризантема. Ху Юнь тоже вздохнула с облегчением, словно сбросила тяжелый груз.

Маленькая девочка, которую держал за руку Лу Пиньянь, вырвалась и бросилась к директору Ван. Подняв личико, она твердо заявила:

— Я хочу быть с братом! Хочу быть с братом! Мы всегда будем вместе, больше никогда не расстанемся.

Директор Ван нахмурилась. Она не ожидала, что дело, которое почти завершилось, опять осложнится, и сердито прикрикнула:

— Малявка, что ты понимаешь? Иди отсюда!

Старуха Лу, услышав это, решила, что настал ее звездный час:

— Директор Ван, директор Ван, вы же слышали! Девчонка сама сказала, что хочет идти за этим дурачком! Вы не можете быть на его стороне, пусть он забирает всё, раз уж ему так повезло — пусть и сестру кормит, это его долг.

Лу Юнгуй закивал:

— Верно, директор Ван, она...

— Заткнись, не вынуждай меня тебя ударить! — Директор Ван была на грани.

Лу Юнгуй, прекрасно понимая, что умный человек не лезет на рожон, мгновенно проглотил остаток фразы.

— Ша Силэ... нет, теперь тебя зовут Лу Пиньянь. Мы делим хозяйство, понимаешь? Ты хочешь забрать сестру? Сможешь о ней позаботиться?

Лу Пиньянь тяжело кивнул, думая про себя: еще бы, зачем мне возвращаться, если не за сестрой? К тому же, я не хочу, чтобы меня преследовала та красавица-врач. «Элемент с сомнительным происхождением» — это же страшно. Если на меня повесят такое клеймо, придется либо бежать на край света, либо...

— Хорошо. Ху Юнь, что скажешь?

— Я... я...

Лу Юнгуй дернул ее за руку:

— Жена, мы еще молоды, еще успеем родить сына. Разве ты не хочешь здорового, крепкого

ребенка?

Ху Юнь взглянула на директора Ван, опустила голову и пробормотала:

— Да, мой муж прав. Я еще молода, у нас еще будет сын.

Директор Ван с разочарованием покачала головой. Она сама была матерью и никак не могла понять эту женщину, не могла понять, что у них в головах.

— Раз так, не будем тратить время. Сейчас пойдем приведем в порядок комнату, я сменю замки, а потом оформим документы. Сразу предупреждаю: с этого момента вы — две чужие семьи. Не дай бог я узнаю, что кто-то из вас обидел этих двоих. Даже если я услышу, что их кто-то оскорбил — я приду за вами, семьей Лу, понятно? Считайте, что вы друг друга не знаете, и не смейте общаться. Как тебя зовут, девочка?

— Чуньни...

— Хорошо, умница. Слушай меня, тетя Ван тебе скажет: будешь жить с братом и помогать ему по хозяйству. Если эти люди из семьи Лу снова обидят вас, попробуют что-то отобрать или потребовать денег — да даже если они просто косо на вас посмотрят или вы с братом вдруг ни с того ни с сего поранитесь... хе-хе-хе...

Приходи ко мне в Уличный комитет. А если не найдешь меня — ищи этих двух товарищей. Я обещаю: они пожалеют, что родились на свет!

— Спасибо, тетя Ван!

— Не за что, дитя! Помни: никогда не бойся. Тетя Ван — директор Уличного комитета, самый главный человек здесь, и моя работа — ставить на место таких подонков. Скажи, хорошо быть начальником?

— Да!

— Тогда старайся! Вырастешь — станешь как я, будешь наказывать тех, кто обижает других. Здорово, правда?

— Да, когда вырасту, я тоже буду директором!

— Ха-ха-ха...